

Чу Юй перевела взгляд и краем глаза увидела, что Пей Шу почти пробежал в этом направлении, очень быстро достигая толпы. Он повысил голос и сказал троим, идущим с горной тропы: -Наконец-то вы здесь

Три человека медленно поднялись с горной тропы, один впереди, два сзади. Человек впереди, казалось, был старыми друзьями с Пей Шу, улыбаясь и отвечая:

-Извинения, извинения, мы так наслаждались горными пейзажами, что нас немного задержали

Услышав это, Чу Юй чуть не рассмеялась: так сильно понравился горный пейзаж? Хотя эта маленькая гора была прекрасна, не было ничего впечатляющего; скорее было много сложных вилок на пути к горе. Если вы спросите ее, эти три, вероятно, потерялись.

Не знаю, действительно ли Пей Шу поверил ему, или он просто прикрывал его, но он засмеялся, похлопав его по спине, затем повернулся к двоим позади него и глубоко поклонился:

-Брат Ижи, брат Иньчжи, для меня большая честь, что вы двое здесь.

Чу Юй смотрела равнодушно. Судя по поведению Пэй Шу, только что прибывшие двое казались очень заметными фигурами. Она стояла там, где находилась, слегка прищурилась, и только тогда она ясно увидела появления двух. Хотя поначалу она была очень безразлична, но, увидев этих двух людей стало ясно, она все равно не могла не восхвалять в своем сердце: какие лица!

Хотя Чу Юй думала, что это собрание красивых мужчин, в тот момент, когда эти двое появились, они сразу же заставили всех окружающих их красивых мужчин казаться простыми. Особенно тот слева, которому было около двадцати шести или двадцати семи лет; и в отличие от других, которые носили бобы или даже сложные шапки для волос, его волосы были лишь слабо завязаны за головой, уголки его тонких глаз были подняты вверх, в то время как улыбка с непринужденной улыбкой слегка коснулась его губ.

Если сравнивать только их лица, то самое важное, что можно сказать об этом человеке, это то, что он связан с другими присутствующими; но когда он стоял там, у него было такое расположение, которое делало людей неспособными перевести взгляд. Он, очевидно, стоял на месте, но у Чу Юй была такая иллюзия, что он был как бы случайно текущая вода - даже если она протянет руку, чтобы схватить его, она все равно не сможет удержать его.

Молодой человек справа выглядел примерно того же возраста, но заметно отличался от человека рядом с ним. Края его подбородка казались слегка высокомерными, а его присутствие казалось опасным горным хребтом, возвышающимся и властным.

Диспозиция этих двух была настолько контрастной, но также дополняла друг друга. Когда они стояли вместе, это фактически создавало странную атмосферу, достаточно сильную, чтобы люди могли задерживать дыхание.

Взглянув на всех присутствующих, Чу Юй поняла, что на самом деле не может найти никого, кто мог бы сравниться с этими двумя людьми. Нет, на самом деле было два; одним из них был юноша, одетый в синий в павильоне - даже несмотря на суматоху, вызванную приходом этих людей, он все еще, казалось, вообще их не замечал, как замерзший лед, все его тело испускало сущность, которая защищала от незнакомцев. А другой человек был рядом с ней.

Древняя элегантность и грациозность Хуан Юаня имели свой собственный стиль. Хотя нельзя сказать, что они подавляют этих двух людей, они были сопоставимы.

Естественно, ни у Чу Юй, ни у Хуан Юаня не было скучных мыслей об этом. Но Чу Юй было очень любопытно: кто из этих двоих был тем Мастером Тысячи Золота, о котором говорил Пей Шу на днях?

Пей Шу прочистил горло, затем торжественно начал представляться.

-Это Ван Ичжи. Я уверен, что все знают о нем.

-Ван Ичжи?

Кто-то спросил в толпе:

-Какой Ван Ичжи?

Пей Шу взглянул на этого человека с легкой гордостью и презрением в глазах и ответил:

-Сколько в мире Ван Ичжи ? Очевидно, Ван Ичжи из семьи Ван Ланъя.

В тот момент, когда Пей Шу закончил свои слова, многие в толпе сразу же начали восклицать. Мгновение назад они только высоко ценили расположение обоих, но теперь некоторые уже выражали восхищение. Некоторые даже не могли удержаться от того, чтобы подняться и поприветствовать их, а самые усердные даже попросили Ван Ичжи написать что-нибудь на их одежде.

Когда Чу Юй услышала это, она тоже была удивлена. Хотя она никогда не преуспевала на уроках истории, она все же знала кое-что о семье Ван Ланъя.

Не из-за чего-то еще, просто потому, что эта семья Ван была действительно слишком известной, слишком выдающейся, слишком почитаемой.

Принимая во внимание всю историю Китая, практически не было другой семьи, которая могла бы сравниться с семьей Ван Лангъя. Эта семья когда-то была такой процветающей, постоянно получая титулы и создавая последовательных ученых один за другим. На протяжении истории и времени, на протяжении всего династические изменения за сотни лет, семья Ван оставалась твердой, богатой, известной, выдающейся и почитаемой. В течение нескольких сотен лет число правительственных чиновников, которые выходили из семьи Ван, всегда считалось сотней в качестве базовой единицы, и они произвели более девяноста премьер-министров. Такое величие, такая выдающаяся история, ни одна семья не могла с этим сравниться.

В поэзии Тана была одна строчка: «Ласточки, которые когда-то жили перед семьями Вана и Се, теперь влетали в дома простых людей»

В ней упоминался Ван, в котором говорилось о семье Вана Лангъя.

Полностью преувеличенная, семья Ван была лучшей знатью, лучшим кланом.

В этот момент Чу Юй снова почувствовала, что она действительно путешествовала во времени. Она могла использовать свои собственные глаза, чтобы увидеть для себя легенду о семье Ван Лангъя.

Чу Юй знала семью Ван. Но что она не знала, так это того, что Ван Ичжи, даже в семье Ван, был легендарной фигурой. Никто не знал, какие у него силы или умения, но все знали, что нынешним главой семьи Ван был его дядя, и что этот дядя планировал пропустить своего собственного сына, и пусть Ван Ичжи унаследовал положение и власть лидера. Семья Ван столкнувшись с такой важностью и вниманием, Ван Ичжи вместо этого отвернулся с улыбкой и посвятил большую часть своей жизни горам и водам; он стал известным любителем свободы.

Но даже при том, что он был свободен, он все еще был очень известным любителем свободы. До сих пор его дядя все еще не отказывался от мысли позволить ему унаследовать семейную собственность, посылая людей время от времени пытаться убедить его. Каждый раз, когда кого-то посылали, чтобы убедить его, имя Ван Ичжи становилось все популярнее.

Затем Пэй Шу объявил личность человека, стоявшего рядом с Ван Ичжи. Его звали Се Инчжи, и, просто услышав эту фамилию, и никому не нужно было напоминать ей, Чу Юй знала, что этот человек с фамилией Се, восемь из десяти шансов должны быть из этой семьи Се «вперед семьи Ван и Се». Эту семью часто упоминали вместе с семьей Ван, и хотя она не была такой же известной или выдающейся, как семья Ван, она все же была дворянством высшего уровня.

После прибытия Ван Ичжи и Се Инчжи все сели по обе стороны ручья. Чу Юй прекрасно понимала: кажется, что два Мастера Ван и Се были центром внимания этого собрания красивых мужчин; как только эти двое пришли, остальным осталось не так много вещей.

Затем Чу Юй увидела, как Пей Шу попросил кого-нибудь достать бумагу и ручки. Она была очень удивлена, и только тогда она наконец-то вспомнила, что это был тот самый банкет поэзии, где текла вода; внешность красавцев раньше привлекала слишком много внимания и заставляла ее почти забыть реальную тему.

Чу Юй с Лю Саном и Хуан Юанем нашли свободное место, где сидело относительно мало людей, и сели около струящейся воды. Рядом с шелковыми подушками на коротких столах стояли изысканные десерты. Чу Юй случайным образом взяла одну и отправила в рот, и мягкая сладость растаяла на кончике ее языка. Но прежде чем она смогла это проглотить, уголком глаза поймала Ван Ичжи, который вызвал суматоху несколько минут назад, который медленно подходил к месту недалеко от нее и сел неторопливо.

Хотя он сидел неподалеку, Ван Ичжи не обращал особого внимания на Чу Юй, и очень скоро начался банкет поэзии. Этот предполагаемый поэтический банкет с музыкой, струящейся водой и застольем был действительно всего лишь культурной версией «горячей картошки». Когда цитра начинает играть, они помещают заполненную винную чашку в текущую воду и позволяют ей просто течь с потоком; когда музыка прекращается, кто бы ни плыл перед винной чашкой, этот человек должен был пить воду и сочинять стихи.

Сидевший в павильоне юноша в синих одеждах, которого Чу Юй заметила раньше, теперь, наконец, двинулся с места. Он медленно поднял руки и, почувствовав струны цитры, начал

играть.

Чашка с вином стекала с воды. Чу Юй молилась в сердце как заклинания: не останавливайся передо мной, не останавливайся передо мной.

У нее действительно не было этого поэтического таланта!

Но не знаю, был ли это вороний рот Чу Юй, или если судьба специально хотела пойти против нее, когда музыка прекратилась, чаша с вином была прямо в водовороте перед Чу Юй, вращаясь в медленных кругах.

Когда все смотрели Чу Юй горько рассмеялась и взяла чашку с вином.

<http://tl.rulate.ru/book/14180/628152>